

Литовско-польскія уніи и отношеніе къ нимъ литовско-русской шляхты.

Вопросъ о литовско-польскихъ уніяхъ неоднократно трактовался въ ученой литературѣ. Историки, русскіе и польскіе, давно обратили вниманіе на этотъ кардинальный вопросъ въ литовско-польскихъ отношеніяхъ и старались прослѣдить, насколько благодѣтельны или вредны были слѣдствія уній для литовско-русскаго государства. Само собой повято, что оцѣнка результатовъ уній была далеко неоднородна. Въ то время, какъ рядъ крупныхъ польскихъ историковъ (Левицкій, Прохадка) нѣсколько преувеличиваютъ культурныя слѣдствія уній и совершенно замалчиваютъ вопросъ объ отрицательномъ вліяніи Польши на Литву, русскіе историки тоже далеко не всегда объективны и спокойны (Антоновичъ, Дашкевичъ) въ своихъ оцѣнкахъ результатовъ уній, замѣтно преувеличивали ихъ отрицательное вліяніе. Отсюда временами неясное и неточное представленіе о ходѣ историческаго процесса литовско-русскаго государства и стремленіе многія его особенности объяснять исключительно польскимъ вліяніемъ. Съ другой стороны, ставя вопросъ объ уніяхъ предметомъ своей ученой любознательности, историки больше заняты изученіемъ результатовъ уній, а не тѣхъ условій, кои имъ предшествовали, и, *volens-nolens*, заставляли оба государства тяготѣть къ другъ другу и тѣмъ самымъ не снимать съ очереди вопросъ объ уніи.

И другая сторона въ унитарномъ вопросѣ была отчасти забыта— отношеніе къ ней господствующаго класса, а между тѣмъ это вопросъ первостепенной важности, такъ какъ, только анализируя его, можно понять дѣянія Люблинскаго сейма 1569 г. Правда, этотъ вопросъ уже отчасти трактовался въ ученой литературѣ. Его касались Малы-

¹⁾ Малышевскій — „Холмская Русь“, стр. 122. *Дашкевичъ* Замѣтки по исторіи л.-рус. госуд., стр. 162.

шевскій и Дашевичъ ¹⁾ ставя политическій ростъ шляхты въ тѣсную связь съ унией.

Впрочемъ, существуетъ и другая точка зрѣнія по этому поводу. М. В. Довнаръ-Запольскій считаетъ шляхетскія привилегіи только слѣдствіями того религіозно-политическаго движенія въ средѣ низшей шляхты, которое началось еще въ сороковыхъ годахъ ¹⁾, уступки получались медленно, и треть вѣка прошедшая въ борьбѣ, дала, наконецъ, благоприятные результаты. Едва-ли можно принять это мнѣніе. Конечно, развитіе самосознанія въ шляхтѣ имѣло огромное значеніе для роста ея привилегій, но этимъ однимъ еще дѣло не объясняется. Остается открытымъ вопросъ, почему уступки шляхтѣ дѣлались всякій разъ, когда на исторической сценѣ появлялся вопросъ объ униі? Если бы внѣшнія отношенія Литвы во время Ливонской войны приняли бы другой характеръ, то литовская аристократія нашла бы силы задержать на время ростъ шляхетской демократіи.

Впрочемъ, послѣднее время замѣчается нѣсколько иное отношеніе къ трактуемому вопросу. Авторъ «литовско-русскаго сейма», слѣдя за эволюціей «вального сейма» довольно подробно касается литовско-польскихъ отношеній, поскольку они вызывали къ жизни изученное имъ учрежденіе. Не ставя вопроса объ унияхъ предметомъ своей работы, М. К. Любавскій освѣтилъ его съ совершенно новой точки зрѣнія и, на нашъ взглядъ единственно правильной, тѣмъ не менѣе, все-таки этотъ вопросъ требуетъ пересмотра не столько въ анализѣ внѣшнихъ политическихъ условій, вліявшихъ на унию, такъ какъ этотъ вопросъ рассмотрѣнъ въ литературѣ съ исчерпывающей полнотой, сколько въ опредѣленіи роли шляхетства въ унитарномъ вопросѣ и установленіи параллелизма между вопросомъ объ унияхъ и ростомъ шляхетскаго сословія.

Начало литовско-польскимъ униямъ было положено въ 1385 году, когда Ягайлу пришлось занять польскій престолъ. Историческая литература ²⁾ изучила этотъ моментъ въ высшей степени детально, и намъ остается только сказать, какъ отнесся правительствующій классъ къ этому факту.

Приходится отмѣтить, что моментъ для переговоровъ объ униі былъ выбранъ удачно. Ослабленная Литва и Польша нуждались въ взаимной поддержкѣ и помощи, а воинствующій германизмъ толкалъ ихъ въ братскія объятія. И тѣмъ не менѣе уния 1385 г. не долго опре-

¹⁾ Довнаръ-Запольскій—Литовско-польская уния, стр. 25.

²⁾ Антоновичъ: Монографія. *Дашевичъ*, Замѣтки по исторіи литов.-рус. госуд., Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 11.

дѣляла собою польско-литовскія отношенія. Крупная знать и нѣкоторые удѣльные князья не признали условий заключеннаго трактата, подписаннаго, на свой страхъ и рискъ. Ягайлой и группой удѣльныхъ князей. Причина лежитъ въ непопулярности самого акта. Вѣдь унитарныя условія говорили о полной инкорпорации Литвы. Литовское боярство, конечно, объ этомъ и не думало, разсматривая отношенія Литвы и Польши, какъ личную унию. Всеобщее недовольство заставило в. к. Ягайла даже нѣсколько ослабить патриархальный характеръ своей власти и опубликовать известный привилей 1387 г. ¹⁾. Подымая правовое положеніе литовскихъ магнатовъ, принявшихъ католицизмъ, в. к. надѣялся, что воспользовавшіеся этимъ привилеемъ несомнѣнно стануть на сторону непопулярной унии. Но расчеты Ягайла не оправдались. Боярство, не смотря на заманчивыя обѣщанія привилея, крестилось охотнѣе неохотно.

Само собою понятно, что объ отказѣ отъ своей національной самобытности, дѣлюю привилея, магнатство и не думало.

Отношеніе его къ униі отчетливо сказалось въ борьбѣ Витовта съ Ягайлой: и поддержка оказанная боярствомъ Витовту въ его борьбѣ за національную независимость, заставила Ягайла пойти на уступки, въ результатѣ чего явилось Островское соглашеніе.

Новая униа радикально расходилась съ актомъ 1385 г. Она, ни слова не говоритъ объ инкорпорации Литвы, призвала Витовта в. княземъ, потребовавъ только отъ него присягу «никогда не покидать королевны и короны польской». Великій князь, хотя и зависѣлъ отъ польскаго короля, какъ верховнаго господаря, все-таки на ряду съ нимъ, принимаетъ присягу отъ другихъ литовско-русскихъ князей, назначаетъ на должности. Конечно, это было не то, о чемъ мечтала польская политическая мысль, но приходилось примириться, хотя бы временно, съ новымъ положеніемъ дѣла.

Временное соглашеніе гарантировало Литвѣ автономный государственный режимъ и даже не безъ нѣкоторой выгоды, такъ какъ отчасти обезсиленное княжество приобрѣтало въ лицѣ Польши сильнаго союзника. Впрочемъ понятно, что условія Островскаго соглашенія, скрѣпленнаго подписаніемъ магнатства, были вполне пріемлемы для литовскихъ націоналистовъ.

Когда въ концѣ XIV в. позатнулось международное положеніе Витовта, поляки, не упуская изъ виду удобнаго момента, опять поставили на очередь вопросъ объ униі. Не чувствуя себя въ состояніи активно противодѣйствовать планамъ поляковъ, Витовтъ и его

¹⁾ Zbiór praw litewskich, стр. 1--7.

бояре пошли на уступки и подписали предложенный имъ трактатъ. Условія уніи 1401 г. нѣсколько расходились съ содержаніемъ двухъ предшествовавшихъ трактатовъ, являясь своеобразнымъ компромиссомъ ихъ крайнихъ положеній. Витовтъ, князя и боярство дають обѣщаніе помогать полякамъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заботиться объ ихъ интересахъ и, по смерти Витовта, не искать другого господаря помимо польскаго короля. Такія же обязательства давали и поляки по отношенію къ Литвѣ: безъ согласія литовцевъ и Витовта не избирать новаго короля въ случаѣ смерти Ягайлы¹⁾. Новая унія не отказывала Литвѣ въ признаніи за нею извѣстнаго рода самостоятельности, хотя бы и связанной съ Витовтомъ, и ставила ее въ союзныя отношенія къ Польшѣ. Литовская знать временно ничего не имѣла противъ такой постановки вопроса, но едва-ли это соответствовало интересамъ и планамъ польскаго правительства.

Обстоятельства вскорѣ начали складываться не въ пользу Польши. Положеніе Витовта скоро упрочилось къ лучшему. Онъ попрежнему занимаетъ видное мѣсто въ международныхъ отношеніяхъ, вмѣшиваясь въ дѣла татарскія, литовскія и сѣверо-восточныя²⁾. Ливонскій орденъ заискиваетъ передъ Витовтомъ, а имп. Сигизмундъ даже предложилъ ему королевскій вѣнецъ. При такомъ положеніи дѣла условія уніи 1401 г. признававшія за Литвой право на самобытный государственный режимъ только до смерти Витовта, не соответствовали положенію дѣлъ, и Литва явно стремится къ разрыву съ Польшей. Для поляковъ сенартизмъ Литвы былъ невыгоденъ въ виду агрессивныхъ дѣйствій со стороны ордена. Начинаются вновь переговоры объ возобновленіи уніи, и для этого въ 1413 г. собрались на сѣздъ въ Городлѣ, на которомъ присутствовали не только литовская знать, но и военно-служилый классъ, какъ условія, характеризующія прочность уніи. Сеймъ 1413 г.³⁾ возобновилъ снова унію, но внесъ значительныя измѣненія въ союзный договоръ сравнительно съ договоромъ 1401 года.

Новый трактатъ признавалъ за Литвой право на самобытный государственный режимъ. Литва впредь будетъ имѣть своего особаго государя, которому польскій король делегируетъ свою власть. Ставилось только условіемъ, чтобы „*barones et nobiles post mortem Alexandri alias Witoldi magni ducis moderni, nullum habebunt aut eligent pro magno principe et domino Litwaniae, nisi quem rex Poloniae vel ipsius successores, cum consilio praelatorum et baronum Poloniae, et terrarum Littwaniae duxerint eligendos statuendos et locandos*“⁴⁾.

¹⁾ Любавскій Л.-Р. Сеймъ, стр. 28. Monumenta aevi. VI. № 234.

²⁾ Барбашевъ: Витовтъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ княженія, стр. 103—113.

³⁾ Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 33—35.

⁴⁾ Zbiór praw litewskich, 15, XIII ст.

Такия же обязательства давали и поляки въ случаѣ прекращенія династїи Ягайлла. Помимо уступокъ литовскому сепаратизму, въ цѣльхъ привлеченія боярскихъ симпатій и болѣе широкихъ слоевъ къ униі. Ягайлло даровалъ баронамъ и шляхтѣ рядъ новыхъ правъ и вольностей, которыми до сихъ поръ пользовалась только польская шляхта. Привилей 1413 года является дополненіемъ къ первому привилею Ягайлла, но кругъ лицъ, на которыхъ онъ распространяется, значительно шире, чѣмъ въ привилей 1387 г. Послѣдній имѣлъ въ виду только боярство (*barones*)— городельскій привилей данъ, *nobilitati Lituanice*— онъ имѣеть въ виду всю „nobilitas“, а не только одно боярство, которое, по смыслу привилей, является только частью шляхетскаго сословія. Новый привилей, значительно, расширяя правовое положеніе шляхтича, освобождалъ его также отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, за исключеніемъ военной службы (*vias expeditionales facere*) и замковой повинности, но заставлялъ „*tributadare juxta antiquam consuetudinem*“.

Впрочемъ, кругъ дѣйствія привилей былъ сначала не широкъ. Пользованіе его благами связывалось съ принадлежностью къ католическому вѣроисповѣданію. Привилей устанавливалъ должности по польскому образцу, но на всѣ новые уряды могли назначаться только «*fidei catholicae cultores et subjecti sanctae romanae ecclesiae*», а также вводилъ сеймы для совѣщаній о благѣ и пользѣ обоихъ государствъ, съ правомъ участія пановъ, прелатовъ и шляхты королевства Польскаго и земель литовскихъ» (*pro commodo et utilitate regni Poloniae et terrarum Litvaniae praedictarum meliori*).

Опубликуя свой привилей, Ягайлло, можно предполагать, хотѣлъ связать унитарный вопросъ съ интересами широкихъ слоевъ шляхты. Дальнѣйшіе факты отчасти оправдали намѣреніе Ягайлла. Сближеніе съ Польшей и знакомство съ ея политическимъ строемъ заставляють шляхту стремиться къ большому расширенію своихъ правъ. Шляхта не могла не видѣть, что реализація ея желаній только возможна при тѣсномъ союзѣ Литвы съ Польшей. Какой характеръ примутъ литовско-польскія отношенія—для шляхты это имѣло существенное значеніе. Дѣйствительно, апологеты униі нашли въ литовской, а потомъ и русской шляхтѣ вѣрнаго союзника.

Привилей 1413 г. наносилъ сильный ударъ литовскимъ магнатамъ, отчасти уравнивалъ ихъ со шляхтой въ сферѣ гражданской правоспособности и политическихъ правъ. За магнатами остались только обычныя служебныя прерогативы, и они прекрасно понимали, что дальнѣйшее сближеніе съ Польшей можетъ повлечь за собою потерю боярствомъ своего политическаго вліянія и положенія. Этимъ отчасти и объясняется націоналистическое настроеніе литовской знати, не сомнававшейся на предлагаемые унитарные проекты.

Собственно говоря, большой вопрос принималъ нѣсколько иную фязіономію и сводился къ вопросу борьбы знати со шляхтой на почвѣ расширенія политическихъ и юридическихъ правъ послѣдней. Въ шляхтѣ польскіе дипломаты получили вѣрпаго союзника, но воспользоваться имъ однако пришлось не скоро. Въ XV в. шляхта еще не играла никакой роли въ разнаго рода обще-государственныхъ дѣлахъ. Ея активное выступленіе рѣзко бросается въ глаза только въ правленіе обоихъ Сигизмундовъ. Поляки при заключеніи уніи, учли существующее соотношеніе силъ, взявъ отъ бояръ особую записку, въ которой еще лишній разъ подчеркивались союзныя обязательства Литвы по отношенію къ Польшѣ¹⁾. Подобнаго рода записку была выдана и поляками литовцамъ.

Но унія 1413 года оказалась такой же непрочной, какъ и предыдущія соглашенія Литвы съ Польшей. Литовское боярство отнюдь не желало признавать единства обоихъ государствъ, даже съ отдѣльнымъ государемъ для Литвы, и, послѣ смерти Витовта, литовско-русское княжество не признавая никакихъ обязательствъ, стало прямо-таки во враждебныя отношенія къ Польшѣ.

По крайней мѣрѣ такъ себя держалъ в. кн. Свидригайло по отношенію къ сосѣднему народу. Сепаратистскія стремленія²⁾ Свидригайлы обратили на себя вниманіе поляковъ, да къ тому же онъ выступалъ противъ Польши, опираясь на аннексированныя русскія земли, на которыя не распространялось дѣйствіе привилеевъ 1387 г. и 1413 г. Свидригайло, конечно, всячески покровительствовалъ русскому элементу, но этимъ была недовольна собственно Литва. Ея боярство, изъ боязни наплыва русскаго элемента и потери своего правительствующаго положенія призвала в. кн. Сигизмунда, который, какъ обязанный престоломъ боярству, конечно будетъ опираться на литовскій элементъ въ своей правительственной политикѣ. Но польская дипломатія учла значеніе русскаго элемента въ княжествѣ, и въ интересахъ давно лелѣянной уніи приступила къ уравниенію литовской и русской шляхты въ правовомъ отношеніи. Приходится отмѣтить ея затруднительное положеніе: уравниеніе въ правахъ необходимо для торжества уніи, но это можетъ вызвать движеніе собственно въ Литвѣ. Этимъ вѣроятно, и объясняется половинчатость мѣръ со стороны поляковъ, что такъ рѣзко обнаружилось въ содержаніи привилея 1432 г.

Опубликованный Ягайлой привилей въ моментъ государственнаго переворота 1432 года, уравнивалъ въ правахъ литовскую и русскую шляхту, такъ какъ по смыслу привилея его дѣйствіе распространялось

¹⁾ Zbiór praw litewskich 31—23, Любавскій, Л. Р. Сеймъ, стр. 35.

²⁾ Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 65—69.

на «*predictos principes, nobiles et bojaros Ruthenorum*»¹⁾. Новый привилей, не давая никаких новых правъ въ сравненіи съ Городельской хартіей, предоставлялъ русскимъ брать гербы у литовцевъ. тѣ самые гербы, которые они получили отъ поляковъ, а литовцамъ вѣнялось въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства, по сношеніи съ своими польскими одно-гербовниками. Въ концѣ привилея указывается и на мотивъ всѣхъ этихъ уступокъ русской знати: «дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь неравенства, коими можетъ наноситься ущербъ государству, чтобы всѣ утѣшенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ, радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства, ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягайлы и брата его вел. кн. Сигизмунда».

Впрочемъ, для польской политики опубликованный привилей не могъ имѣть большого значенія: его дѣйствіе распространялось не на всю Русь, а только на Русь—Литовскую, да къ тому же пользованіе правами связывалось съ принадлежностью къ опредѣленному вѣроисповѣданію, которое среди русской шляхты XV в. еще было слабо распространено. Вслѣдствіе этого русская шляхта, и послѣ полученія привилея, не могла стать сторонницей униі. Поэтому едва ли правъ М. К. Любавскій²⁾, рассматривая вышеприведенный привилей, какъ уравненіе въ правахъ русскихъ безъ различія вѣроисповѣданія, съ отмѣной соответствующихъ ограничительныхъ статей Городельскаго привилея, касающихся вѣроисповѣднаго вопроса. Только привилей 1563 г. почти наканунѣ Люблинской униі, отмѣнилъ указанные ограниченія. Дѣйствіе привилея 1432 г. не распространялось на обывателей другихъ русскихъ областей, державшихся Свидригайлы, но и тутъ польское правительство предприняло нѣкоторые шаги въ смыслѣ уравненія ихъ въ правахъ съ литовцами, хотя и не по отношенію ко всѣмъ аннексированнымъ русскимъ землямъ. Будучи во Львовѣ, Ягайло выдалъ Луцкой землѣ отдѣльный привилей—князьямъ, боярамъ, прелатамъ и рыцарямъ земли Луцкой, какъ римской, такъ и греческой вѣры. Права и вольности шляхты королевства Польскаго распространялись привилеемъ на соответствующіе станы Луцкой земли³⁾. Впрочемъ, привилей не имѣлъ практическаго значенія: Луцкая земля перешла на сторону Свидригайлы, но онъ любопытенъ, какъ фактъ, указывающій на ближайшій курсъ политики польскаго правительства по отношенію къ русскимъ областямъ.

¹⁾ Вар. Унив. Изв. 1893. III, стр. 22—24 Любавскій. М.-Р. Сеймъ, стр. 73.

²⁾ Любавскій, М.-Р. Сеймъ, стр. 77.

³⁾ Любавскій, М.-Р. Сеймъ, стр. 76., Monumenta medii aevi tomus II № 82.

Съ возведеніемъ на престолъ Сигизмунда вопросъ объ уніи снова выдвигается на первый планъ, и обѣ стороны въ Гродно подписали новое унитарное соглашеніе ¹⁾, при участіи литовскихъ прелатовъ и пановъ, какъ и въ 1413 году. Новый трактатъ признавалъ Сигизмунда пожизненнымъ соправителемъ польскаго короля по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ.

Послѣ его смерти великое княжество переходитъ къ Ягайллѣ, за исключеніемъ отчинныхъ владѣній, поступающихъ въ законное распоряженіе наслѣдниковъ Сигизмунда. Подолье уступалось Польшѣ. Та же судьба постигала и Волынь, но присоединеніе послѣдней встрѣтило пока существенныя препятствія: она была на сторонѣ Свидригайиллы. Поэтому, сначала приходилось отнять ее у Свидригайиллы, а потомъ думать о присоединеніи къ Польшѣ. Какъ бы уступая литовскимъ націоналистамъ, новый трактатъ обуславливалъ присоединеніе Волыни только послѣ смерти Сигизмунда. Великій князь обязывался также быть вѣрнымъ союзникомъ и защитникомъ Польши, а чтобы отнять у литовцевъ всякую надежду на самостоятельность, заставили Сигизмунда пообѣщать, не обольщаться кичими подговорами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома и согласія короля, его преемниковъ и короны Польской. Союзный договоръ скрѣплялся подписями литовскихъ магнатовъ—свидѣтелей переговоровъ.

Новая унія была дѣломъ рукъ литовскаго панства, боявшагося наплыва русскаго элемента, а, слѣдовательно, и потери пріобрѣтеннаго вліянія. Сравнительно съ условіями уніи 1413 г. новый договоръ былъ менѣе выгоденъ литовскому боярству: въ немъ вопросъ о литовской самобытности въ сферѣ государственныхъ отношеній былъ связанъ съ личностью Сигизмунда и носилъ такимъ образомъ временный характеръ, что являлось отчасти возвращеніемъ къ условіямъ третьей литовско-польской уніи.

Это была измѣна національному дѣлу, но на нее литовская знать рѣшилась, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, въ дѣлахъ подавленія и униженія выступившаго на историческую сцену русскаго элемента.

Положеніе Сигизмунда въ Литвѣ не отличалось прочностью. Русскія земли были по прежнему на сторонѣ Свидригайиллы, не признавая ни уніи, ни новаго господаря. Да и литовское магнатство не подчинялось князю и не признавало унижительной для національнаго самолюбія уніи. Такое стеченіе обстоятельствъ заставило Ягайиллу пріѣхать въ Литву и лично вручить ему княженіе, приказывая литовцамъ повиноваться

¹⁾ Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 73.

ему, какъ законному великому князю, а чтобы еще болѣе упрочить унию, рѣшено было подтвердить ее новымъ договоромъ. Новое подтвержденіе униі было только повтореніемъ предшествовавшихъ актовъ. Обѣ стороны выдали соотвѣтствующіе документы, скрѣпленные подписями туземныхъ паловъ.

И вторичное согласіе на унию литовское магнатство было вынуждено дать, такъ какъ положеніе дѣлъ внутри оставалось старое, Русь оставалась вѣрна Свидригайллѣ, и Литвѣ грозило полное поглощеніе Русью, если послѣдняя добьется самостоятельности. Во избѣжаніе послѣдней литовскіе потентаты и протягивали руку Польшѣ, въ надеждѣ, съ ея помощью, подчинить возставшія русскія земли. Такъ, намъ кажется, можно объяснить вторичное согласіе, данное боярствомъ на унию.

Вслѣдъ за подписаніемъ униі, Сигизмундъ опубликовалъ новый привилей, долженствующій привязать населеніе къ униі и великому князю. Въ большинствѣ статей привилей 1434 г. является повтореніемъ хартіи, изданной два года назадъ, но впрочемъ, съ нѣкоторыми существенными дополненіями. Новый государь обѣщалъ никого не карать и не наказывать по тайному или явному доносу, иначе какъ по суду, отправленному по обычаю земли. Это чрезвычайное важное дополненіе въ духъ польскаго «meminemscartabimus» впоследствии подтверждалось его преемниками, и, конечно, вошло въ Литовскій Статутъ, въ видѣ первой статьи, перваго раздѣла. Затѣмъ привилей освобождаетъ, князей и подданныхъ княжескихъ и боярскихъ отъ даяка, что еще требовалось (*tributa dare*) привилеемъ 1413 г.

Несмотря на стремленіе примирить враждующее населеніе, Сигизмунду этого не удалось. Рознь католиковъ и православныхъ, впервые введенная въ жизнь привилеемъ 1413 г., была закрѣплена и новой хартіей, польско-католической по духу.

Сигизмундъ не удержался на престолѣ, хотя и удалось осилить Свидригайллу¹⁾. Тираническій его характеръ и крупныя территориальныя уступки погубили его. Великій князь скоро былъ убитъ, и снова старые вопросы стали очередными. Если поляки настаивали на униі съ Литвой, хотя она дважды была возобновляема въ 1437 и 1439 гг. съ отчужденіемъ Волыни и Подолія, то для Литвы весь спорный вопросъ заключался въ возвращеніи уступленныхъ Польшѣ земель и укрѣпленіи государственной самобытности.

Отсюда, живое стремленіе Литвы имѣть великимъ княземъ не ставленника Польши, а избраннаго отдѣльно. Литва не могла прими-

¹⁾ Любавскій, «И.-Р. Сеймъ», стр. 95.

рится съ мыслью, что Польша разсматривала ее, какъ подчиненное ей государство. Благодаря прекращенію внутренней войны, Литва могла поступать смѣлѣе, настойчивѣе, не дѣлая Польшѣ никакихъ излишнихъ уступокъ.

Поляки пока предоставили литовцамъ полную свободу, внимательно слѣдя за ихъ внутренними отношеніями.

Внутри же шла партійная борьба изъ-за кандидатовъ на престолъ, ихъ было не мало, но, въ концѣ концовъ, взяла верхъ партія, выдвигавшая кандидатуру Казимира Ягеллончика.

Приглашеніе Казимира на велико-княжескій престолъ сразу измѣняло отношеніе къ Польшѣ. Поляки это сознавали и, конечно, не сочувствовали поведенію литовскихъ пановъ. Не даромъ король соглашался отпустить его въ Литву только въ качествѣ намѣстника, хотя это было бы нарушеніемъ условій уніи 1413 и 1432 гг.

Въ виду такихъ дѣйствій короля, литовскіе паны объявили о расторженіи уніи и призвали на престолъ Казимира, чѣмъ свели на нѣтъ рядъ братскихъ договоровъ.

Поляки отнюдь не теряли надежды на возстановленіе уніи, и на окончательное оставленіе за собой части литовской территоріи тѣмъ болѣе, что польскіе государственные дѣятели уже въ это время прекрасно учитывали ту роль, которую можетъ сыграть литовско-русская шляхта въ дѣлѣ соединенія Польши съ Литвой.

Впрочемъ и обстоятельства складывались въ пользу поляковъ. Польскій престолъ сталъ вакантнымъ и поляки рѣшили пригласить на престолъ литовскаго велик. князя. Актомъ избранія Казимира на польскій престолъ сразу создавались подходящія условія для возобновленія уніи на началахъ инкорпорации. Предложеніе поляковъ поставило Казимира въ затруднительное положеніе. Принять престолъ—значитъ измѣнить автономическимъ стремленіямъ Литвы. Поэтому вполне понятно колебаніе Казимира, что и было отмѣчено современниками и болѣе поздними хроникерами¹⁾. Да и самъ литовскій сеймъ высказался противъ принятія польской короны²⁾.

Впрочемъ, литовцы недолго упорствовали въ своемъ отказѣ, такъ какъ кандидатура Болеслава Мазовецкаго на престолъ польскій грозила такими осложненіями для Литвы, что въ принципѣ было рѣшено согласиться на вторичное предложеніе короны, но не соглашаться на унію на основаніи старыхъ трактатовъ. И дѣйствительно, литовскимъ панамъ удалось взять у короля особую клятвенную записку, въ которой Казимиръ признавалъ существованіе только оборонительнаго союза

1) *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-польская унія, 2.

2) *Любавскій*, *Л. Р. Сеймъ*, стр. 111.

между Литвой и Польшей и считала земли Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатинъ и Олеско—территорію, на которую заявляла притязанія Польша, землями литовскими. Литовцы отстаивали свой государственный самобытный режимъ и получали право послѣ смерти Казимира избрать отдѣльно или съ поляками особаго великаго князя, что было возвращеніемъ къ договору объ уніи 1413 года. Правда эта запись не была подтверждена поляками, и съ ней поляки никогда не считались¹⁾. Наоборотъ, какъ только состоялся первый сеймъ въ присутствіи короля, поляки потребовали подтвержденія, что Подолія и часть Волини—остаются за Польшей. Петроковскія сеймовыя событія вызвали негодованіе со стороны литовскихъ магнатовъ, смотрѣвшихъ на требованія сейма, какъ на вызовъ Литвѣ. Въроятно этимъ негодованіемъ литовскихъ магнатовъ объясняется отъѣздъ Казимира въ Литву, и отказъ подтвердить права и вольности поляковъ, пока поляки не выяснятъ своихъ отношеній къ Литвѣ и откажутся отъ притязаній на Литовскую территорію. Въ общемъ положеніе Казимира было затруднительно. Литовскіе магнаты недоувѣряли своему господарю и обвиняли его въ измѣнѣ національному дѣлу, а русскіе аннексированныя земли, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Литвы, стремились къ полному отдѣленію отъ Литвы. Въ цѣляхъ примиренія Руси и Литвы и привлеченія на свою сторону болѣе широкихъ слоевъ русской шляхты, Казимиръ въ 1447 г. опубликовалъ новый привилей. Его содержаніе значительно шире предыдущихъ привилеевъ. Права и вольности шляхты приближаются, если не совсѣмъ, то отчасти къ Польскимъ, что какъ бы являлось иллюстраціей необходимости унитарныхъ отношеній Литвы съ Польшею. Любопытно то, что этотъ привилей данъ не только литовско-русской nobilitati, но также и мѣщанамъ. Привилей 2-го мая 1447—имѣлъ огромное значеніе и для политическаго строя Литвы и для уніи. Если съ этого времени боярство, а потомъ шляхта выступаютъ въ качествѣ вершителей по нѣкоторымъ государственнымъ вопросамъ, и тѣмъ самымъ положили начало расширенію компетенціи «важнаго сейма», то отнынѣ шляхта рѣзко становится на сторону уніи, въ интересахъ полнаго управленія съ поляками и ослабленія вліянія литовскихъ магнатовъ: опубликованіемъ привилея 1447 г. было заранѣе выиграно дѣло уніи. Впрочемъ, при чтеніи привилея можно думать, что онъ пропитанъ анти-польскимъ духомъ, какъ это думаетъ Леонтовичъ²⁾.

Дѣйствительно, въ литовскій обѣщаетъ раздавать уряды, держанія и владѣнія только литовско-русскимъ туземцамъ, какъ не уменьшать

¹⁾ Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 114.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1908, III, 76.

dominia et terras magni ducatus nostri praedicti sed in limitibus suis, quemadmodum praedecessores nostri et praesertim felicis recordationis magnus dux Alexander Vitoldus patruus noster predictus tenuit. В. Князь объявляется in eisdem limitibus integre et plenarie tenere et defendere ¹⁾

Конечно, въ этихъ статьяхъ сказалось отрицательное отношеніе къ польскимъ тенденціямъ и является уступкой общественному мнѣнію, которое можетъ быть увѣрено въ томъ, что государь не унизитъ своего государства, хотя бы поляки и не выдали соответствующаго обѣщанія. Казимиру нужно было вырвать согласие на престолъ безъ соответствующаго обязательства со стороны поляковъ по отношенію къ Литвѣ. Нельзя видѣть также отрицательное отношеніе къ польскому вліянію въ полномъ молчаніи привилей о православныхъ, и въ тоже время посвятить рядъ статей, тракующихъ о вольностяхъ костеловъ и замѣщеніи въ нихъ пастырскихъ должностей. Если же прибавить, что всѣ статьи, измѣняющія юридическое и экономическое положеніе шляхты, заимствованы изъ Польши, то, въ общемъ, приходится признать, что привилей проникнуть всецѣло польскими правовыми идеями и тенденціями. Антипольскія статьи это ловкій шагъ для усиленія патріотической бдительности литовскаго магнатства. Впрочемъ, несмотря на полное молчаніе послѣднихъ привилей о правахъ православной шляхты, послѣдняя на практикѣ пользовалась всѣми правовыми нормами, предоставленными католической шляхтѣ, впрочемъ за исключеніемъ возможности занимать должности. Молчаніе привилей о православныхъ—это дань католической Польшѣ, чего не отрицаетъ и Леонтовичъ, только въ этихъ статьяхъ увидѣвшій польскія симпатіи ²⁾.

Настроеніе поляковъ опредѣлилось на общемъ сеймѣ въ Люблинѣ 1448 г. Позіціи поляковъ и литовцевъ были тѣ же. Никто не хотѣлъ идти на уступки. Литовцы не допускали и мысли объ инкорпораціи, хотя поляки предлагали сліяніе Литвы и Польши въ одно государство, распространеніе въ Литвѣ польскихъ вольностей, но это предложеніе, унижавшее національную гордость Литвы, было отвергнуто, и Люблинскій сеймъ окончился ничѣмъ. И другія сеймовыя совѣщанія такъ же ни къ чему не привели. Въ теченіе всего государства Казимира отношенія Литвы къ Польшѣ оставались неопредѣленными, но спорныя земли поляки рассматривали какъ присоединенныя къ Польшѣ. Польская политика Казимира встрѣчала всеобщее неудовольствіе. Патріотическое чувство Литвы не успокоили антипольскія статьи въ привилей. Была даже сдѣлана попытка убійствомъ отдѣлаться отъ полонофильствующаго короля. Когда это не удалось, литовцы въ 1478 г. просятъ Казимира дать имъ отдѣль-

¹⁾ Zbior praw litewskich 28—35.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1908, III, 77.

наго князя въ лицѣ одного изъ своихъ сыновей. Казимиръ далъ отрицательный отвѣтъ на просьбу литовцевъ, и Литвѣ оставалось ждать съ нетерпѣніемъ смерти Казимира. Смерть послѣдняго приносила нѣсколько упавшій духъ литовцевъ. Игнорируя поляковъ, они избираютъ на престолъ Александра. Эта была большая побѣда со стороны литовскихъ и русскихъ сепаратистовъ. Не даромъ глава русскихъ сепаратистовъ кн. М. Глинскій принималъ такое участіе въ избраніи в. к. Александра. Избирая на престолъ Александра, магнаты заставили новаго господаря выдать привилей, который подтвердилъ бы прежія хартии и также закрѣпилъ за магнатами то положеніе, которое они фактически занимали въ средѣ государственной дѣятельности благодаря постояннымъ побѣдкамъ Казимира въ Польшу.

Привилей 1492 г.¹⁾ не далъ шляхтѣ никакихъ новыхъ правъ, и все его содержаніе относится къ литовско-русской аристократіи, за исключеніемъ статьи о повышеніи людей низшаго званія надъ шляхтой. Закрѣпляя за аристократіей, какъ членами «господарской рады» активное участіе въ сферѣ внутренней и вѣшной политики, новый господарь существенно ограничивалъ прерогативы своей власти.

Для литовскихъ націоналистовъ—подобнаго рода привилей являлась необходимостью. Поведеніе Казимира являлось прямымъ доказательствомъ того, насколько заслуживали довѣрія королевскія слова и обѣщанія. Только взявъ кормило правленія въ свои руки—магнаты могли быть увѣрены въ сохраненіи литовской независимости.

По мнѣнію Леонтовича, привилей 1492 г. положилъ начало уравненію политическихъ правомочій литовско-русскихъ пановъ съ польскими. Отчасти эта мысль вѣрна. Положеніе литовской рады и ея отношенія къ своему государю напоминали подобныя же отношенія польскаго сената къ своему королю. Но это уравненіе было не заимствованіемъ изъ Польши новаго института, а юридическимъ конструированіемъ положенія боярства, создаваемаго на почвѣ бытовыхъ отношеній князя и боярства. Отношенія князя и боярства, основанныя на обычаяхъ, смѣшались отношеніями, скрѣпленными прочными правовыми гарантіями. Общность институтовъ Литвы и Польши—результатъ вѣкотораго единства и отчасти однообразія въ ходѣ историческаго процесса въ Литвѣ и Польшѣ.

Но затруднительныя вѣшнія и внутреннія обстоятельства давали литовской политикѣ иной толкъ и направленіе заставляя искать союза съ Польшей, и въ 1499 году оба государства подписали новое соглашеніе. Впрочемъ, польская дипломатія, въ виду затруднительнаго вѣшняго

¹⁾ Zbiór praw litewskich, 58—66.

положенія, не была особенно настойчива въ своихъ требованіяхъ, какъ въ 1499 г. признавала за литовцами право на самостоятельный государственный режимъ, причемъ Литва становилась по отношенію къ Польшѣ въ тѣ же отношенія въ какихъ она находилась раньше согласно трактатамъ 1413 и 1432 г. ¹⁾ Во всякомъ случаѣ магнаты могли быть довольны результатами своихъ дипломатическихъ переговоровъ.

Но политика магнатства вызывала большое недовольство въ шляхтѣ, которая находилась отъ него, можно сказать, въ нѣкоторой зависимости, такъ какъ почти все вопросы, касающіеся государства, рѣшались имъ, какъ членами рады. Эта зависимость сказывалась особенно въ назначеніи новыхъ сборовъ для военныхъ нуждъ, и тутъ магнаты могли поступать по собственному усмотрѣнію.

Недовольство было повсемѣстное, но особенно рѣзко обнаружилось, когда вспыхнуло на югѣ сепаратистское движеніе Мих. Глинскаго; уже послѣ смерти короля Александра. Населеніе, вѣрнѣе шляхта была не только противъ политики магнатовъ, ее не могло не волновать, что все мѣста въ княжеской радѣ и по управленію государствомъ попадали въ руки литовцевъ, не дававшихъ хода русскому элементу, основываясь на привилеѣ 1413 г. Вотъ причины всеобщаго недовольства.

Возстаніе Глинскаго интересно и съ другой стороны, какъ вѣрный показатель, насколько шляхта оцѣнила благо польскаго права, какъ слѣдствіе литовско-польскихъ уній. Выяснилось, что тѣ земли, гдѣ преобладало мелкое и среднее землевладѣніе, тамъ возстаніе не встрѣтило поддержки. Все сѣверо-западное землянство, уже окатоличенное и воспользовавшееся привилеями, оставалось вѣрно Сигизмунду.

Наоборотъ, кievское землянство, на которое, какъ православное, блага польскаго права еще не вполне распространились—поддержало Глинскаго ²⁾.

Такимъ образомъ, это движеніе ясно обнаружило симпатіи части шляхты къ Польшѣ и отрицательное отношеніе къ аристократіи, а сочувствіе православнаго землянства Глинскому намѣчало польской дипломатіи дальнѣйшій планъ дѣйствій для привлеченія на свою сторону и православнаго землянства: надо было уравнять въ правахъ православную шляхту съ католической и тѣмъ уничтожить соответствующія статьи городельскаго привилея. Впрочемъ, на послѣднее рѣшились не скоро—только въ 1563 г., когда къ этому времени выяснилось, что безъ поддержки русской шляхты немислимо инкорпорированіе части территоріи.

Въ княженіе Александра внѣшнее положеніе Литвы было очень тяжелымъ. Борьба съ Москвою продолжалась безъ устали. Какъ разъ

¹⁾ Zbior praw litewskich, стр. 75—76.

²⁾ Антоновичъ, Монографія, 244.

въ разгарѣ военныхъ дѣйствій умираетъ польскій король. Теперь не поляки хлопочуть о приглашеніи литовскаго князя на польскій тронъ, а литовцы, въ цѣляхъ еще большаго сближенія съ Польшей для пріобрѣтенія надежнаго союзника для борьбы съ Москвой.

Поляки учли положеніе дѣлъ въ Литвѣ и настроеніе шляхты, переносившей всѣ тяжести военныхъ невзгодъ и рѣшили воспользоваться настоящимъ моментомъ для реализаціи давнишнихъ политическихъ мечтаній. Правда, у поляковъ были и другіе кандидаты, но перспектива соединенія двухъ народовъ въ одно государство доставила корону Александру.

Новая унія, по своему содержанію, рѣзко отличается отъ предыдущихъ братскихъ трактатовъ. Она напоминаетъ собою проектъ уніи 1446 г.¹⁾ Тогда его отвергли, но теперь, въ виду войны, приходилось уступить и согласиться на всѣ предложенныя усилія.

Литовскіе послы, скрѣпя сердце, подписали договоръ. Чины польскаго сейма утвердили его присягой. Послы уѣхали домой, общая склоняетъ в. князя и своихъ братьевъ къ принятію уніи, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ²⁾: отнынѣ Литва и Польша сливаются въ одно государство, будутъ имѣть общаго государя, общій польско-литовскій сеймъ, одну монету, но разные суды и должности. Оба государства будутъ неразлучны въ счастіи и несчастьи, признавая за прежними договорами обязательную силу. Новая унія, какъ подписанная только по необходимости, конечно, въ чистомъ видѣ была неприемлема въ Литвѣ. Дать согласіе на унію 1501 г.—это значить раз навсегда отказаться отъ національной независимости, лишиться своего національнаго лица, изъ за котораго было столько несогласій и споровъ между братскими народами.

Да и статья, наставляющая на обязательности старыхъ трактатовъ толковалась не въ пользу Литвы, и спорная территория укрѣплялась за Польшей.

Помимо всего, литовское боярство, которое съ 1492 г. почувствовало себя крупной политической силой, должно было бы лишиться своего авторитета и значенія если бы унія 1501 г. превратилась бы въ реальный фактъ. Вѣдь къ этому времени обострившіяся отношенія въ Польшѣ между знатью и шляхтой вели къ вѣрной побѣдѣ послѣдней. Унія 1501 г. уравнила бы права польской и литовско-русской шляхты, лишивъ радныхъ пановъ того значенія, которое они пріобрѣли по вышеприведенному привилею. Но политическій моментъ былъ слишкомъ тяжелъ для

¹⁾ *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-польская унія, стр. 2.

²⁾ *Любавскій*, Л.-Р. Сеймъ, стр. 144. *Zbior praw litewskich*, 77—81.

Литвы, чтобы отказываться отъ условій новозаключенной уніи, и вк. Александру, и бывшимъ съ нимъ боярамъ оставалось одно—скрѣпить своими подписями написанный трактатъ, но вк. не рѣшился созвать сеймъ для подтвержденія условій заключенной уніи. Впрочемъ, условія уніи на практикѣ не были осуществлены. Польша слабо помогала Литвѣ въ ея войнѣ съ Москвою, а литовское правительство, несмотря на Мельницкую унію, продолжало разсматривать себя какъ представителя независимой въ политическомъ смыслѣ Литвы. Поэтому, унія 1501 г. интересна только, какъ показатель, къ какимъ конечнымъ результатамъ стремилась польская дипломатія. Въ 1506 году вопросъ объ уніи снова сталъ животрепещущимъ, но пока обѣ стороны не ставили его ребромъ; и хотя Литовцы не поѣхали на общій сеймъ для избранія государя, и самостоятельно на сеймѣ «единогласною волею»¹⁾ избрали вк. Сигизмунда—поляки сдѣлали тоже самое у себя дома, не затрагивая и не обсуждая никакихъ вопросовъ изъ области государственнаго права. Съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ независимо отъ нежелація литовцевъ осуществить условія Мельницкой уніи, фактически она отчасти осуществилась—оба государства имѣли одного государя, а остальные условія можно постепенно ввести въ жизнь, не обостряя отношеній.

Дѣйствительно, въ первые годы правленія Сигизмунда польско-литовскія отношенія были прѣличны, и ни одна изъ сторонъ не подымала вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ. Такъ складывались отношенія Литвы и Польши не столько на почвѣ права, сколько факта. Избирая Сигизмунда вел. княземъ, литовское боярство было ему челомъ объ утвержденіи въ особомъ привилеѣ правъ и вольностей, пожалованныхъ прежними господами²⁾. Такая просьба пановъ понятна. Имъ нужно было укрѣпить за собою вліяніе, на государственныя дѣла, приобретенное предыдущимъ привилеемъ, удержать шляхту на старыхъ позиціяхъ. Дѣйствительно, новый привилей ничего не прибавляетъ къ общешляхетскимъ правамъ, но зато расширяетъ компетенцію пановъ рады, безъ согласія которой вк. князь не могъ издавать никакихъ постановленій въ области внутренней и внѣшней политики. Этимъ привилеемъ рада по закону получила законодательныя функціи. Такъ борьба панства за литовскую независимость вела къ увеличенію правъ того же панства, какъ участниковъ велико-княжеской думы. Но подобное повышеніе не могло нравиться шляхтѣ, начинавшей играть все болѣе видную роль въ государствѣ.

¹⁾ Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 149.

²⁾ Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 148.

Шляхта не могла быть довольна своимъ положеніемъ. Война требовала отъ нея личной службы и матеріальныхъ пожертвованій, знать распоряжалась въ странѣ, ведя часто узко-эгоистическую экономическую политику. Поэтому понятво то негодованіе, которое овладѣло шляхтой и которое особенно рѣзко выражалось на сеймахъ временъ Сигизмунда I, а особенно Сигизмунда-Августа. На сеймахъ шляхта неоднократно высказывала и свои политическія требованія. Въ изслѣдованіи Любавскаго собранъ громадный матеріалъ, фактически иллюстрирующій ея желанія. Собственно, шляхта желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ были паны рады. Она желаетъ стать такой же крупной государственной силой, какой къ этому времени стала шляхта—польская, которая съ 1505 г. держала въ своихъ рукахъ все законодательство страны. Но также шляхта на сеймахъ убѣдилась, что при самостоятельномъ существованіи литовскаго государства, внѣ унитарныхъ связей съ Польшей, реализація ея плановъ немыслима: литовское боярство никогда не согласится на расширеніе вольностей шляхты. Отсюда въ шляхтѣ XVI в. особенно сильно замѣтны полонофильскія симпатіи, Правительство на этотъ разъ оцѣнило значеніе шляхты и рядомъ законодательныхъ мѣръ, расширившихъ права шляхты, постепенно подготовило унию 1569 г. А пока въ Литвѣ назрѣвалъ конфликтъ между двумя станами знати—Польщѣ и Литвѣ приходилось жить вмѣстѣ, не подымая никакихъ щекотливыхъ вопросовъ. Только тогда, когда Литва въ минуту тяжелаго военнаго положенія, обратилась къ братскому народу за помощью, Литовцамъ пришлось выслушать много неприятнаго. Поляки обвиняютъ Литовцевъ въ нежеланіи быть въ дружбѣ съ ними. Но это пустяки въ сравненіи съ другимъ замѣчаніемъ ихъ, они согласны оказать помощь для борьбы съ Москвою, но войска отдадутъ въ распоряженіе общаго главы народовъ, такъ какъ военныя дѣйствія въ сущности направлены противъ короля¹⁾. Последнее мимолетно-брошенное замѣчаніе было неприятнымъ напоминаніемъ о Мельницкомъ трактатѣ, но литовскому боярству было не до теоретическихъ разговоровъ съ поляками, и литовцамъ пришлось молча согласиться съ сказанными словами. На самомъ дѣлѣ—литовское боярство думало по своему. Настоящее ихъ настроеніе отчетливо видно въ самомъ фактѣ возведенія Сигизмунда-Августа на в. княжескій престолъ въ 1522 году, тѣмъ самымъ наглядно не признало «слушной едноты» между обоими народами. Тогда же они потребовали отъ новаго господаря подтвержденія старыхъ привилеевъ. Конечно, литовская знать здѣсь имѣла въ виду столь выгодное для ея общественнаго значенія привилей 1492 и 1506. Подтвердительный привилей 1522 г., выданный

¹⁾ *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-Польская униа, 24--25.

отъ имени короля и сына, гарантировали неприкосновенность литовской шляхты всёхъ «*jura, tam publica, quam privata*»¹⁾.

Въ заключеніе Сигизмундъ обѣщаль, что его сынъ «*postquam ad aetatem legitimam pervenerit*» выдастъ такую же запись подъ своей личной присягой (*nec non juramento etiam suo corrogali*).

Подтвердительною привилеемъ Сигизмунда—короля обезпечивалась и независимость Литвы и высокое положеніе пановъ—рады; которая до сихъ поръ сохраняла за собою руководящую роль, несмотря на активныя выступленія рядовой шляхты. Радные паны вообще въ это время прислушиваются къ заявленіямъ шляхты. И когда на Виленскомъ сеймѣ 1514 г. раздавались голоса о необходимости кодификаціи шляхетскаго права, аристократія пошла навстрѣчу желаніямъ шляхты. Въдъ кодификація права, объединяя всё предыдущіе законодательные акты въ одно цѣлое, фактически закрѣпляла существующія отношенія и правовыя нормы, являлась орудіемъ, направленнымъ противъ дальнѣйшаго расширенія шляхетскаго права. Опубликованіе Статута 1529 г. было временной побѣдой магнатства надъ литовско-русскою шляхтою.

Въ правленіе Сигизмунда, хотя вопросъ объ уніи подымался нѣсколько разъ, литовскимъ магнатамъ все-таки удалось заключить новый договоръ, въ которомъ ни единымъ словомъ не упоминалось объ уніи. Новый трактатъ отъ 26 марта 1532 г. устанавливалъ оборонительный союзъ между обоими государствами, пропорціонально раздѣляя между ними военныя издержки. Новыя условія предполагали общую защиту отъ враговъ, особенно отъ татаръ. Оба государства обязуются помогать другъ другу въ случаѣ нападенія врага на одного изъ нихъ; въ оборонѣ границъ, литовцы и поляки помогаютъ другъ другу посылкою небольшихъ отрядовъ; оба государства обязуются добывать оружіемъ всякую область, отпавшую отъ нихъ²⁾. Нельзя не признать эти условія большой побѣдой литовской дипломатіи. Какъ будто ея вѣковыя усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Забыты условія Мельницкаго трактата, и Литва разсматривается, какъ самостоятельное государство, связанное съ Польшею только лишь дружественными отношеніями²⁾.

Впрочемъ, дальнѣйшій ходъ дѣлъ показалъ, что польская дипломатія только временно отказалась отъ своихъ плановъ и готова была каждую минуту снова выступить со своими предложеніями. Да и обстоятельства въ Литвѣ начали складываться въ пользу поляковъ.

На арену исторической жизни въ Литвѣ выступила посольская изба, шляхта, недовольная магнатами и старавшаяся измѣнить свое

¹⁾ Zbiór praw litewskich, стр. 124—125.

²⁾ *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-Польская унія, стр. 6.

общественное положеніе, отгѣснивъ магнатство и занявъ его мѣсто. Нельзя не признать, что польскіе дипломаты правильно оцѣнили тогдашнее политическое положеніе. Выяснивъ соотношеніе общественныхъ силъ, они взяли устойчивый и вѣрный курсъ политики, курсъ, который, въ концѣ концовъ, долженъ привести къ давно желаннымъ результатамъ.

Когда въ 1547 г. на первомъ вальномъ сеймѣ, бывшемъ при Сигизмундѣ-Августѣ, паны сейма, паны рады и посольская изба обратились къ господарю съ просьбой, «збласки и добротливости своей панской» «вказати» все права и вольности, пожалованныя имъ господарямъ за ихъ прежнюю и вѣрную службу, то Сигизмундъ второй сочувственно отнесся къ просьбѣ становъ сейма.

Въ своемъ отказѣ онъ призналъ справедливыми требованія сейма и Сигизмундъ приказалъ: „*tyie przywilia i listy wolnocy waszych wzowam okazati pered wami ich wyczesti roskasati*“ въ цѣляхъ лучшаго ознакомленія съ ними всехъ членовъ сейма. Затѣмъ государь обѣщалъ „*wodle zachowania prodkow swoich i wodle opisania i obwiazania otca jego miłości i swosjho*“—подтвердить старыя привилег. Давая согласие на подтвержденіе старыя привилегіи Сигизмундъ, впрочемъ, сдѣлалъ большое отступленіе отъ обычая предковъ. Онъ обѣщалъ подтвердить вольности „пановъ радъ обоего стану, духовнаго и свѣтскаго, римскаго и греческаго, княжатъ, напять и всего рыцарства“).

Значеніе этого привилегіи огромно. Имъ окончательно уравнивалась русская шляхта съ литовской. Отнынѣ принадлежность къ православію не могла быть причиною непользованія шляхетскими правами со стороны русской шляхты. Такъ пало правовое различіе между католиками и православными. Впрочемъ и этотъ привилегіи не отмѣнилъ соответствующихъ статей Городельскаго привилегіи о правѣ только католиковъ занимать разныя должности. Нельзя не признать этотъ актъ, съ точки зрѣнія сторонниковъ уніи, актомъ полнымъ дипломатическаго смысла и значенія. Имъ создавались совершенно новыя отношенія въ Литвѣ, и вопросъ объ уніи принималъ иной характеръ. Если на сеймахъ въ княженіе Сигизмунда-Августа — русская шляхта не противъ уніи и какъ будто забыла о недавнихъ своихъ сепаратистскихъ стремленіяхъ, то это было слѣдствіемъ подтвердительнаго привилегіи 1547 г. Если привилегіи 1547 г. отчасти сблизилъ русскую шляхту съ поляками, то привилегіи 1563 г. отмѣнившій статьи Городельскаго привилегіи о предоставленіи урядовъ и участія въ радѣ господарской только католикамъ — превратилъ русскую шляхту въ ярую сторонницу уніи, столь благодар-

1) Zbiór praw litewskich, 419.

тельной для шляхты. Отнынь пользование шляхетскими правами соединялось съ принадлежностью только къ христіанской религіи¹⁾.

На сеймахъ бывшихъ въ господарство Сигизмунда II бросается въ глаза настойчивое и вызывающее поведеніе шляхты. Въ изслѣдованіи М. К. Любавскаго собрано обиліе данныхъ, иллюстрирующихъ выше-сказанное положеніе²⁾. Приведемъ нѣкоторыя изъ требованій шляхты, рисующихъ ея политическое настроеніе. Въ 1544 г. шляхта требуетъ, чтобы духовные греческаго и латинскаго закона не занимали гражданскихъ должностей, на сеймѣ 1547 г.—требуется удаленіе духовенства изъ свѣтскихъ судовъ, требуется привлеченіе духовенства къ несенію военной службы; тогда же шляхта подаетъ жалобу на воеводу и старость по поводу всякаго рода «кривдъ» при отправленіи правосудія; на сеймѣ 1544—шляхта настаиваетъ на присутствіи шляхетскихъ присяжныхъ засѣдателей на воеводскомъ судѣ. На сеймѣ 1547 г.—безконечныя жалобы на администрацію и требованіе контроля со стороны шляхты въ сборѣ и расходываніи панами земскихъ финансовъ. На другихъ сеймахъ выставляются требованія экономическаго и финансового характера и, какъ постоянный лейтъ-мотивъ, жалобы на урядниковъ. На сеймѣ 1557 г. раздаются требованія волынскихъ землевладѣльцевъ о выборномъ судѣ, о подчиненіи князей и пановъ юрисдикціи жѣстныхъ судей¹⁾. Всѣ эти безчисленныя требованія направлены, конечно, противъ духовнаго и свѣтскаго магнатства, какъ сословія, пользовавшагося особымъ покровительствомъ закона. Такое поведеніе шляхты нельзя не поставить въ связь съ ея полонофильскими симпатіями и недовольствомъ фактическимъ положеніемъ знати. Если послѣдняя въ первой половинѣ XVI в. сумѣла сохранить за собою руководящее положеніе, сдерживая порывы шляхты, то теперь она была безсильна противостоять сплоченному натиску объединеннаго шляхетства. Сеймовыя засѣданія фактически были заняты не органической работой, а превратились въ безконечныя препирательства съ панами-радой и королемъ. Рѣчи, произнесенныя въ посольской избѣ, вскрывали потрясающую картину анархіи въ странѣ, отсутствіе какого-нибудь административнаго порядка. Такіе нападки понятны; разъ администрація и судъ были фактически въ рукахъ аристократіи, и послѣдняя пользовалась особыми привилегіями²⁾.

Чѣмъ рѣзче критиковалось настоящее положеніе дѣлъ въ странѣ, тѣмъ яснѣе подчеркивалась мысль о необходимости демократизаціи ли-

1) А. З. Р. III. № 32.

2) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ стр. 508—734.

3) Любавскій, Литовско-Русскій Сеймъ, стр. 428—508. Д.-Запольскій, *opuscit.* стр. 19—20.

товскаго государственнаго строя по образцу польскому, съ предоставленіемъ суда и управленія въ руки всего шляхетскаго сословія.

Это настроеніе было учтено польскими дипломатами. Если къ внутренней партійной борьбѣ прибавить затруднительное внѣшнее положеніе, то приходится отмѣтить, что въ Литвѣ складывались такъ удачно обстоятельства, при которыхъ рѣшеніе вопроса объ уніи могло принять желательный характеръ. До 1562 года вопросъ объ уніи былъ поставленъ на очередь польской шляхтой, но его какъ то обходили и замалчивали. Литовско-русская шляхта, занятая борьбой съ магнатами, не принимала близко къ сердцу трагуемаго вопроса, и литовскому правительству удавалось игнорировать вызывающее поведеніе поляковъ¹⁾.

Единственная уступка, сдѣланная Польшѣ литовскимъ правительствомъ, выразилась въ отдачѣ ей Бѣльскаго и Подляскаго земель, строй которыхъ давно напоминалъ Польшу.

Совершенно иначе начинаютъ складываться польско-литовскія отношенія въ эпоху Ливонской войны, когда выяснилась невозможность отстоять Ливонію собственными силами тѣмъ болѣе, что сеймовая шляхта въ этотъ критическій моментъ жизни литовскаго княжества была непатріотично настроена, занимаясь на Виленскихъ сеймахъ 1559 и 1561 гг., не столько обсужденіемъ вопроса о защитѣ страны и сохраненіи ея единства и цѣльности, сколько стремленіемъ использовать данный моментъ въ интересахъ упроченія своего положенія. Заявленія, дѣлаемые шляхтой, были безконечны; король и паны-рады дѣлали ей уступку за уступкой, но послѣднія отнюдь не уменьшали аппетитовъ шляхты, а, наоборотъ, еще болѣе увеличивали.

Полная невозможность воевать собственными силами съ Москвою—заставила литовскихъ сепаратистовъ обратиться къ Польшѣ. Положеніе дѣлъ было приблизительно такое же, какъ и въ моментъ заключенія Мельницкаго трактата. Польская дипломатія могла надѣяться на увѣнчаніе ея вѣковыхъ усилій, и дѣйствительность оправдала ожиданія всѣхъ сторонниковъ уніи. Уже на Виленскомъ сеймѣ 1561 г., на которомъ рѣшалась судьба Ливоніи, литовско-русская шляхта проявила свои полонофильскія симпатіи²⁾. Этими симпатіями и нежеланіемъ нести большіе военные и финансовыя поборы можно объяснить присоединеніе Ливоніи, къ Литвѣ и Польшѣ, будто бы составляющимъ одно государство¹⁾. Еще рѣзче немного раньше опредѣлилось настроеніе шляхты въ лагерѣ подъ Витебскомъ, когда шляхта, недовольная ходомъ военныхъ дѣйствій, рѣшила игнорировать магнатовъ, составивъ актъ, въ которомъ

¹⁾ Довнаръ-Запольскій, Литовско-польская унія стр. 3—15.

²⁾ Любавскій: Л.-Р. Сеймъ, стр. 620.

она заявляла о своемъ желаніи скорѣе заключить унію съ Польшею «дабы имѣть возможность сообща сеймовать съ поляками, сообща избирать государя въ виду бездѣтности нынѣшняго государя, пользоваться одинаковыми съ ними правами и вольностями и сообща обороняться отъ враговъ». Конфедерация требовала созыва общаго сейма. Участниковъ конфедерации обязывали не отказываться отъ этого требованія и не поддаваться никакимъ обѣщаніямъ, какъ бы ни старались отклонить ее отъ этого новымъ статутомъ, а также и не ухвалить серебрищизнъ и другихъ податковъ, пока не будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ объ уніи¹⁾. Это активное выступленіе шляхты—новый фазисъ въ польско-литовскихъ отношеніяхъ. Шляхта, до сихъ поръ шедшая за магнатами во всякаго рода политическихъ вопросахъ, начинаетъ дѣйствовать самостоятельно, стараясь направить политику государства въ желательную для нея сторону. Литовско-русское магнатство давно предвидѣло наступавшую коллизію и пыталось всячески сохранить за собой первенство. Только этимъ и объясняется, почему паны-рады согласились исправить статутъ 1529 г., когда шляхта оцѣнила его аристократическій характеръ. На сеймъ 1561 г. даже былъ уже предложенъ проектъ исправленнаго статута. Подобную политику магнатовъ шляхта прекрасно оцѣнила. Не даромъ она потребовала отъ участниковъ Витебской конфедерации присяги не идти ни на какія уступки съ магнатами, своекорыстную и эгоистическую политику которыхъ шляхта давно подмѣтила. Витебская конфедерация не прошла безслѣдно для политическаго настроенія шляхты. Петроковскій сеймъ 1562 г. открылся заявленіемъ о необходимости уніи. Этого требуетъ правовое положеніе шляхты, но практически рѣшеніе этого вопроса впередъ не подвинулось. Иными результатами кончился Виленскій сеймъ 1563 г. Шляхта добилась отмены статей Городельскаго привилея, лишившихъ возможности некаatholicскую шляхту занимать различныя государственныя должности и засѣдать въ панской радѣ. Кромѣ того было рѣшено отправить особую сеймовую делегацію для разговоровъ объ уніи.

Делегация получила отъ сейма соотвѣтствующій наказъ, являющийся такимъ образомъ важнымъ документомъ для характеристики политическаго настроенія становъ сейма.

Наказъ делегаціи во многомъ сходится съ постановленіями Витебской конфедерации. Слѣдовательно, на послыжкѣ посольства настояла шляхта, перетянувшая политическіе вѣсы на свою сторону. Конечно, это была большая ея побѣда. Но и побѣжденные магнаты, идя за шляхтой и соглашаясь, подъ давленіемъ текущаго момента, на унію, постарались

¹⁾ Любавскій. Л.-Р. Сеймъ, стр. 435—436.

придать такой характер унии, при которой за Литвой сохранялась известная доля самостоятельности. Впрочемъ, можно было заранее предполагать, что поляки отвергнутъ эти пожеланія, такъ какъ за ними не стояло общественное мнѣніе шляхты, да къ тому же Литва была просящей стороной. Не передавая содержания всей инструкціи¹⁾, приходится отмѣтить, что сеймъ, соглашаясь на унію, рассматривалъ ее въ видѣ инкорпораціи Литвы, а въ смыслѣ сближенія обонхъ государствъ на почвѣ военной защиты и единства королевской власти, выбираемой на общихъ совмѣстныхъ сеймахъ. Допускались и много рода совмѣстные сеймы, но только для рѣшенія дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ обѣимъ сторонамъ. Дѣла же, касающіяся того или другого государства въ отдѣльности, рѣшаются на своихъ мѣстныхъ сеймахъ, не говоря о томъ, что сохраняется полная автономія каждаго государства во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Литовцы соглашались, для скрѣпленія заключаемой унии, разрѣшить полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ Литвѣ. Можно согласиться съ мнѣніемъ М. К. Любавскаго²⁾, что содержаніе инструкціи проникнуто стремленіями отстоять цѣлостность и обособленность государства, но едва ли можно видѣть въ этомъ особую побѣду магнатства. Для шляхты—пока вопросъ о внутреннемъ устройствѣ въ Литвѣ не имѣлъ никакого значенія. Настоявъ на посылкѣ посольства по поводу унии и выяснивъ ея основныя положенія въ духѣ Витебской конфедераціи, шляхта предоставила разработку деталей магнатамъ. Безразличіе шляхты къ внутренней организаціи объясняется тѣмъ, что съ уравненіемъ въ правахъ съ польской шляхтой положеніе магнатства въ Литвѣ, и при его особности, перестало бы быть доминирующимъ.

Но для поляковъ и такая унія была неприемлемой: по мнѣнію ихъ сущность унии должна заключаться въ инкорпораціи литовскаго княжества въ польское государство. Начиная съ Ягайлы—польская дипломатія держится по отношенію къ Литвѣ опредѣленнаго плана, и если отступала отъ него, то это зависѣло отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Уступая моментами, шляхетскіе дипломаты отпудъ не отказывались отъ старой мысли «втѣленія» великаго княжества въ Польшу.

Противорѣчіе во взглядахъ на унію со стороны двухъ договаривающихся сторонъ вскрылось съ особенной рѣзкостью на Варшавскомъ сеймѣ 1563 г. Полякамъ не приходилось скрывать своихъ истинныхъ намѣреній въ виду затруднительнаго положенія литовцевъ и партійной борьбы внутри самого княжества.

1) Любавскія, Литовско-русскій сеймъ, 662.

2) Любавскій. Л.-Р. сеймъ, стр. 662.

Поляки ѣхали на сеймъ, вооруженные всякаго рода историческими справками подкрѣплявшими ихъ требованія¹⁾. Поведеніе на сеймѣ было вызывающее, и литовскимъ посламъ приходилось обнаруживать много выдержки, чтобы не уѣхать домой до рѣшенія большого вопроса. На Варшавскомъ сеймѣ была охотно сформулирована и формула уніи: одинъ король, одинъ законъ для всѣхъ, одинъ народъ подъ однимъ скипетромъ, и печатью; причемъ свои требованія поляки основывали на Мельницкомъ трактатѣ. Вынесена была она посольской избой. Первоначальная формула сената не отличалась такой опредѣленностью и отчасти щадила національное чувство литовцевъ.

Самъ собою понятно, что подобная формула для литовцевъ была неприемлемой. Приходилось себя сдерживать, не разрывать переговоровъ, пытаясь въ то же время склонить поляковъ въ сторону отказа отъ столь рѣзкой формулы.

Только затруднительнымъ политическимъ положеніемъ можно объяснить, почему литовцы рѣшились вступить въ переговоры на почвѣ условій договора 1501 г.

Переговоры были малоуспѣшны. Поляки не шли на уступки, а литовцы не рѣшались на политическое самоубійство. Все таки въ виду тяжелаго положенія дѣла, литовцы сдѣлали кое какія уступки полякамъ, согласившись имѣть общаго государя, избираемаго на литовско-польскомъ сеймѣ. Самъ великій князь для ускоренія переговоровъ былъ готовъ отказаться отъ своихъ династическихъ правъ на Литву, что и было выражено извѣстной Варшавской деклараціей.

Давая согласіе на вольную элекцію государя, литовскіе послы ни за что несоглашались на отказъ отъ собственныхъ урядниковъ, своей печати, отдѣльнаго скарба и т. д., такой, по словамъ кн. Радвила отказъ отъ всего этого повлечетъ за собою потерю величія государства¹⁾.

Во время засѣданій сейма военныя дѣйствія были для литовцевъ удачны, и это сразу отразилось на переговорахъ. Теперь литовскіе послы не соглашались на общіе сеймы, признавая общіе сеймы только лишь по общимъ дѣламъ, касающихся обоихъ государствъ, какъ это было въ старину и вообще еще рѣзче подчеркнули свою самостоятельность въ внутреннихъ дѣлахъ.

Такъ Варшавскій сеймъ кончился ничѣмъ. Впрочемъ поляки не унывали; если переговоры въ 1563 г. не привели къ желаннымъ результатамъ, то было полное основаніе надѣяться что въ будущемъ они кончатся согласно желанію поляковъ. Вѣльскій сеймъ 1564, на который

¹⁾ Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 663.

²⁾ Любавскій Л.-Р. Сеймъ 663 стр.

пріѣхало не мало поляковъ, показали имъ, что вся шляхта на сторонѣ уніи, предложенной поляками, а противники—только аристократія, упорство которой было сломить очень трудно.

Сочувственное отношеніе литовско-русской шляхты къ уніи заставило аристократію и господара прислушиваться къ ея заявленіямъ. Раньше правительствующіе чины мало обращали вниманія на желанія шляхты имѣть исправленный статутъ и земскій выборный судъ съ подчиненіемъ его юрисдикціи эсмлевладѣльцевъ шляхетскаго званія безъ исключенія. Аристократія противилась всему этому, пока было возможно да и в. ки. не хотѣлъ уменьшать ни своихъ доходовъ, ни прерогативъ своей власти.

Иное отношеніе встрѣтила шляхта теперь: ее боялся и передъ ней заискивають, какъ передъ крупной политической силой, держащей въ своихъ рукахъ и судьбы уніи, и автономію Литвы. Если великій князь согласился на всѣ требованія шляхты, имѣя въ виду окончательное рѣшеніе уніи, то аристократія уступая шляхтѣ, расширяя ея права, предполагала такой политикой пріобрѣсти въ лицѣ шляхты союзника для борьбы за литовскую автономію. Дѣйствительно, реформы 1564—1565 кореннымъ образомъ измѣнили строй литовско-русскаго государства и даровали шляхтѣ новыя сословныя привилегіи¹⁾, учреждались земскіе и городскіе суды по польскому образцу.

Нѣсколько расширился составъ господарской рады, благодаря увеличенію числа «урядовъ», измѣнился радикально самый порядокъ верховнаго управленія благодаря расширенію компетенціи великаго сейма и новой организаціи шляхетскаго представительства на сеймахъ. Въ общемъ, послѣ этихъ реформъ шляхетство стало во главѣ государства, держа въ своихъ рукахъ управленіе имъ, и политическій строй Литвы сталъ походить на Польскій. Литовская аристократія лишилась своего значенія, хотя и новый статутъ сохранялъ за аристократіей нѣкоторыя почетныя права, не имѣвшія для шляхты какого бы то ни было практическаго значенія.

Преобразование политическаго строя литовскаго государства почти уничтожило препятствія къ соединенію Литвы съ Польшей: въ обоихъ государствахъ господствовала шляхетская демократія, были почти одинаковыя государственныя учрежденія, а такъ какъ литовско-русская шляхта, по пріятнымъ соображеніямъ, всегда была на сторонѣ уніи, то этотъ вопросъ уже почти былъ рѣшенъ, тѣмъ болѣе, что литовско-русской шляхтѣ у себя дома предстояла большая работа: дѣйствительно занять мѣсто аристократіи и оттѣснить ее на второе мѣсто. Такъ на-

1) Статутъ 1566 г. Рад. III, стр. 4. Любавскій Л.-Р. Сеймъ 718 стр.

дали постепенно всё препятствія къ заключенію уніи¹⁾. Въ то самое время, когда въ Литвѣ происходили реформы политическаго строя, поляки съ удивительнымъ упорствомъ на своихъ сеймахъ, настаивали на уніи²⁾. Посольская изба особенно торопилась окончить всё переговоры до окончанія войны съ Москвою, такъ какъ тогда въ виду прекращенія войны, Литва можетъ уклониться отъ уніи. Надо торопиться съ уніей—вотъ припѣвъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ въ посольской избѣ.

Король послушно шелъ за посольской избой. Уступая ея требованіямъ, король созвалъ сеймъ въ Люблинѣ для окончательнаго рѣшенія большаго вопроса. Въ то же время Литовцы засѣдали въ Брестѣ, откуда посылали пословъ для переговоровъ. Послѣдніе кончились ничѣмъ: унія снова была отсрочена. Литовцы никакъ не соглашались на инкорпорацию, на которой настаивали польскіе послы. Съ своей стороны, литовская делегація предлагала унію, опиравась на переговоры, бывшіе на Варшавскомъ сеймѣ. Литовцы согласны имѣть общаго государя, общіе сеймы, собирающіеся по очередно, то въ Литвѣ, то въ Польшѣ; соглашались имѣть общихъ съ ними друзей и враговъ и сообща защищаться отъ непріятелей, но требовали для Литвы особой администраціи и суда, особыхъ законовъ и установленій. Конечно, эта личная унія была неприемлема, и неудивительно, что поляки ее отвергли. Очевидно, и здѣсь магнаты одержали верхъ, явившись сторонниками національной независимости Литвы. Но едва ли была не послѣдняя побѣда магнатства. Событія складывались для Литвы неблагопріятно, и вопросъ объ уніи сталъ очереднымъ. Люблинскій сеймъ 1568—1569 гг. и явился завершеніемъ того политическаго плаша, который столько вѣковъ приводился въ исполненіе. Если на сеймѣ 1568 года, упорство потентатовъ задержало рѣшеніе вопроса объ уніи, то на новомъ сеймѣ судьбу уніи рѣшила шляхетская демократія, неоднократно требовавшая уніи. Передъ ея натискомъ вопросъ объ уніи былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ³⁾. Впрочемъ и новая унія не была инкорпорацией Литвы въ Польшу. Правда, Литва лишилась части территоріи; къ тому же Подляшье, Волынь, Кіевщина и литовское Подолье были инкорпорированы, но урѣзанное литовское княжество сохранило въ нѣкоторомъ отношеніи автономію въ видѣ права имѣть свои уряды, законы, суды. Поляки послѣ долгихъ споровъ согласились на это, но за то добились уступки и себѣ: поляки и литовцы—равноправные народы, а потому оба народа могутъ свободно занимать должности въ обѣихъ странахъ и пріобрѣтать недвижимое

1) Любавскій. Л.-Р. Сеймъ, стр. 734.

2) Довнаръ-Запольскій, Литовско-польская унія.

3) Любавскій Л.-Р. Сеймъ, стр. 838.

имущество, противъ чего еще недавно высказался Берестейскій сеймъ 1566 года. Несомнѣнно, что если на основаніи Люблинской уніи Литва пользуется отчасти внутренней независимостью, то это дѣло магнатства. Демократическая же шляхта была настроена менѣе патріотично. Такъ усиліями шляхты была заключена парламентарная унія, отдавшая судьбу Рѣчи Посполитой въ руки шляхетской демократіи и положившая начало тѣмъ новымъ отношеніямъ, которыя, въ концѣ концовъ, повели къ полному сліянію обоихъ государствъ въ одно.

В. Личета.